

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-64-82

К вопросу о лирических композициях И. А. Бунина: «Жизнь Арсеньева» и «Евгений Онегин»

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Аннотация

Цель статьи – описать роман И. Бунина «Жизнь Арсеньева» как лирическую структуру. Методом мотивного анализа в тексте выявлены многочисленные ряды тематических, сюжетных, мотивных повторов. Мотивные повторы в прозаическом тексте – это своего рода аналог рифмы в стихотворном, они повышают структурированность и связность текста, к тому же главы романа Бунина имеют, как строфы в поэтическом произведении, законченный вид. Мотивная реприза в лирической прозе Бунина преобладает над фабульной логикой, над развитием сюжета, что особенно четко прослеживается в концовках глав и книг романа. Прежде чем роман был издан отдельной книгой, Бунин публиковал его поглавно. Точно так же, сначала поглавно, а затем отдельной книгой, и Пушкин печатал «Евгения Онегина». Такой способ публикации обусловлен лирической композицией текстов, позволяющей менять способ расположения отдельных его частей и даже включать их в текст или исключать из него. Так, в «Евгении Онегине» восьмая глава оказалась отделенной от семи предыдущих глав, и так же в окончательный текст «Жизни Арсеньева» оказалась включенной Пятая книга, первоначально напечатанная как самостоятельная, с заглавием «Лица». Изначально планировавшегося продолжения не последовало. Пятая книга, завершившая в итоге роман Бунина, не выглядит в нем чужеродной: в какой-то степени она автономна, но ее лиризм и повествование от первого лица органически связывают ее с другими книгами. Любовь и смерть Лики ставит точку в бунинском романе взросления, он завершен. Но образ автора, этот роман пишущего, содержит в себе незавершенность. И это повторяет «Евгения Онегина», где образ незавершенного бытия явлен очень отчетливо.

Ключевые слова

И. А. Бунин, «Жизнь Арсеньева», А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», лирическая структура, композиция, мотив, мотивные повторы, сюжетные повторы, поглавная редакция, книжная редакция, завершенность / незавершенность

Для цитирования

Капинос Е. В. К вопросу о лирических композициях И. А. Бунина: «Жизнь Арсеньева» и «Евгений Онегин» // Сюжетология и сюжетология. 2024. № 4. С. 64–82. DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-64-82

© Капинос Е. В., 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2024. № 4. С. 64–82

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 4, pp. 64–82

On the Issue of Lyrical Compositions by I. A. Bunin “The Life of Arseniev” and “Eugene Onegin”

Elena V. Kapinos

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Abstract

The purpose of this article is to describe I. Bunin’s novel “The Life of Arseniev” as a lyrical structure. Using the method of motif analysis, numerous series of thematic, plot, motivic repeats were revealed in the text. Motivic repeats in prose text are a kind of analogue of rhyme in poetry, they increase the structure and coherence of the text, and in addition, the chapters of Bunin’s novel have, like stanzas in a poetic work, a closed look. Motivic reprise in Bunin’s lyrical prose prevails over the plot logic, over the development of the plot, which is especially clearly traced in the endings of the chapters and books of the novel. Before the novel was published as a separate book, Bunin published it chapter by chapter. Similarly, first chapter by chapter, and then as a separate book, Pushkin published “Onegin”. This method of publication is due to the lyrical composition of the texts, which allows changing the way of arranging its individual parts and even including them in the text or excluding them from it.

Thus, in “Onegin”, the eighth chapter was separated from the seven previous chapters, and the Book V, originally published as an independent volume under the title “Lika”, was also included in the final text of “The Life of Arseniev”.

The originally planned sequel did not follow. The Book V, which ultimately completed Bunin’s novel, does not seem alien to it: to some extent, it is autonomous, but its lyricism and first-person narration organically connect it with the other books.

Lika’s love and death puts an end to Bunin’s coming-of-age novel, it is complete. But the image of the author, the writer of this novel, contains incompleteness. And this repeats “Onegin”, where the image of unfinished existence is very clearly revealed.

Keywords

I. A. Bunin, “The Life of Arseniev”, A. S. Pushkin, “Eugene Onegin”, lyrical structure, composition, motif, motivic repeats, plot repeats, chapter edition, book edition, completeness/incompleteness

For citation

Kapinos E. V. On the Issue of Lyrical Compositions by I. A. Bunin “The Life of Arseniev” and “Eugene Onegin”. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 4, pp. 64–82. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-64-82

Роман «Жизнь Арсеньева», как нам уже приходилось писать¹, необычайно густо насыщен разного рода повторами, сюжетными и тематическими. Почти каждый его эпизод, множество фраз, деталей, мотивов, повторяясь, отражаются друг в друге мотивными инвариантами, и его композиция приобретает свойства, характерные и почти обязательные для стихотворных, но не прозаических текстов. Приведем несколько примеров такой повторяемости.

¹ См.: [Капинос, 2020; 2022; 2024].

Одной из главных тем романа является тема дворянского гнезда, родового поместья, с которым неразрывно связаны детство и юность героя, где формируется его личность, его мировоззрение, его чувство родины. Но эта тема представлена не одним только домом, в котором герой родился и провел свое детство, а множеством дворянских усадеб, принадлежащих или принадлежавших когда-то его семье, предкам, родственникам, давним соседям, ставшим почти родственниками главного героя. Все эти «гнезда» так или иначе связаны с русским дворянским бытом, как он изображен русскими писателями XIX в. и как он отразился в русской поэзии и особенно в русской элегии. И в таком смысле это почти одна и та же усадьба, но одновременно это и образ России как некоей родовой общности.

Роман построен так, что его пространство концентрическими кругами расходится от одной изначальной точки, родительского дома Алексея Арсеньева, где он взрослеет, а затем начинает покидать родное гнездо, отлучаясь сначала недалеко и ненадолго, посещая те самые окрестные усадьбы, обличие которых и их судьбы варьируют одна другую. Затем он уезжает всё дальше, всякий раз возвращаясь в начальную точку. И сами эти отъезды и возвращения своей многократностью тоже создают впечатление лирической вариативности.

Города, в которые уезжает Арсеньев: сначала уездный, затем губернский (это Елец, легко узнаваемый, хотя и не названный, и Орел), описаны столь похожим образом, что невнимательный читатель легко путается в них. Похожи их главные улицы, городские сады, церкви, гостиницы, в которых живет Арсеньев, мелькают портреты городских жителей разных сословий, характеров, в том числе городских сумасшедших и чудаков. Иногда описания одних усадеб и городов по какой-либо ассоциативной связи переходят из одного в другое, придавая этим образам лирическую и сновидческую неопределенность.

Вариативная зеркальность характерна для романа как композиционного целого и для главных его тем, но также и для его микроуровней. Главы всех пяти книг романа очень небольшие по объему, в каждой из них описан отдельный момент или период жизни героя, каждая глава завершена в самой себе. В этом смысле ее можно сравнить со стихотворной строфой типа онегинской (или с сонетом): она имеет зачин, кульминацию, развязку и в финале некую общую, итоговую мысль, принадлежащую чаще всего уже не юноше Арсеньеву, а тому же, вроде бы, Арсеньеву, но многое уже пережившему и теперь пишущему этот роман, но одновременно – истинному его автору, т. е. Бунину. Эти финальные сентенции очень напоминают лирические отступления, столь характерные для пушкинского «Евгения Онегина» и вообще для его стихового эпоса. Вот бунинские обобщающие концовки глав Первой книги, почти подряд:

В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют, некогда славных, а теперь заглохших, бедных, в повседневности живущих мелкой жизнью. Все же над этой жизнью всегда – и не даром – царит какая-нибудь серая башня времен крестоносцев, громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий Господний глашатай, зовущий к небесному Граду (Бунин, 1966, т. 6, с. 8)²;

² Далее цитаты из «Жизни Арсеньева» будут приводиться в тексте по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

А поздним вечером, когда сад уже чернел за окнами всей своей таинственной ночной чернотой, а я лежал в темной спальне в своей детской кроватке, все глядела на меня в окно, с высоты, какая-то тихая звезда... Что надо было ей от меня? Что она мне без слов говорила, куда звала, о чем напоминала? (с. 10);

Подводя итоги того, что дала мне жизнь, я вижу, что это один из важнейших итогов. Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листьях, я и умирая вспомню... (с. 32)³.

Сравнивая две редакции романа, поглавную и книжную, мы увидим, как Бунин, редактируя эти финальные отступления, делает их менее отчетливыми, менее «закругляющими» отдельные главы, лишает их слишком явной завершенности. Так, в финале IX главы Второй книги, где гимназист Арсеньев молится в церкви Воздвиженья, исчезает вот эта концовка:

Что вызвало на мои глаза эти горячие и возвышенные слезы, которым я отдавался с таким упоением, хотя даже в ту пору было во мне уже много крепости, сдержанности, скрытности? Может быть, больше всего некое скорбное прозрение, тайно в те минуты осенявшее меня: прозрение не только всей моей судьбы, но и всей судьбы земной (Бунин, 1928, с. 31).

Убран и финал XVIII главы: «Ничто и никогда за всю жизнь не поразило меня так, как наш первый, нечеловеческий поцелуй в эту серую, снежную, зимнюю ночь» (Бунин, 1928, с. 67).

Но и в редуцированном виде эти сентенции не лишают главы их композиционной завершенности и сходства с «большим стихотворением» (как Пушкин, печатая первую главу своего романа, назвал его)⁴.

Следует сказать, что композиционные приемы, заимствованные из стихотворного арсенала, вообще характерны для прозы Бунина. Можно вспомнить, к примеру, рассказ «Зимний сон» (1918), где он опробовал такую форму лирической прозы, когда каждая фраза – это отдельный абзац, эффектно уподобив тем самым прозаический текст стихотворному⁵. Функцию лирического приема в «Жизни Арсеньева» играют и мотивные повторы, благодаря которым преодолевается излишняя законченность, «отдельность» его глав и книг. Таким образом в прозаиче-

³ Та же тенденция – в самой ранней редакции, в главах из романа, опубликованных в «Последних новостях», например, как заканчивается VI глава первой книги:

Настанет день – и навсегда исчезнет из мира и оно.

И от всех попыток моих разгадать зеркало останется один след: царапина на стекле, намазанном дивною «ртутью» (с. 299) (газета «Последние новости» (Париж). 1929. № 3203, 29 дек.).

⁴ «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено», – написал А. С. Пушкин в предисловии к изданию Первой главы романа в 1825 г. (Пушкин, 1957, с. 509), эта фраза часто цитируется пушкинистами при описании стихотворной природы романа.

⁵ Вот начало этого рассказа:

Днем, гуляя, Ивлев пошел по выгону мимо школы.

На крыльце стояла учительница и пристально смотрела на него.

На ней была синяя на белом барашке поддевка, подпоясанная красным кушаком, и белая папаха.

Потом он лежал у себя в кабинете на тахте (Бунин, 1966, т. 5, с. 19).

ском тексте действуют, как и в стихе, две противоположенные силы – раздробленности и связности. В ряду разного рода повторов упомянем еще некоторые яркие и значимые.

В самом начале романа, в III главе Первой книги, помещен рассказ о том, как Арсеньев еще ребенком ездил со своими родителями в уездный город, в том числе о том, как в этом первом в его жизни путешествии ему то ли встретился, то ли привиделся разбойник:

...в одной лощине, – а дело было уже к вечеру и места были очень глухие, – густо рос дубовый кустарник, темно-зеленый и кудрявый, и по ее противоположному склону пробирался среди кустарника «разбойник», с топором, засунутым за пояс, – самый, может быть, таинственный и страшный из всех мужиков, виденных мной не только до той поры, но и вообще за всю мою жизнь (с. 11).

А завершается глава портретом другого разбойника – «острожника», которого он увидел у зарешеченного окна тюрьмы:

...на самом выезде из города высился необыкновенно огромный и необыкновенно скучный желтый дом, не имевший совершенно ничего общего ни с одним из доселе виденных мною домов, – в нем было великое множество окон и в каждом окне была железная решетка, он был окружен высокой каменной стеной, а большие ворота в этой стене были наглухо заперты, – и стоял за решеткой в одном из этих окон человек в кофте из серого сукна и в такой же бескозырке, с желтым пухлым лицом, на котором выражалось нечто такое сложное и тяжкое, чего я еще тоже отроду не видывал на человеческих лицах: смешение глубочайшей тоски, скорби, тупой покорности и вместе с тем какой-то страстной и мрачной мечты... Конечно, мне объяснили, какой это был дом и кто был этот человек, это от отца и матери узнал я о существовании на свете того особого сорта людей, которые называются острожниками, каторжниками, ворами, убийцами. <...> я сам почувствовал, сам угадал, при помощи своего собственного знания, особенную, жуткую душу его. Страшен был мужик, пробиравшийся по дубовым кустарникам в лощине, с топором за подпояской. Но то был разбойник, – я ни минуты не сомневался в этом, – то было нечто очень страшное, но и чарующее, сказочное. Этот же острожник, эта решетка... (с. 12–13).

Два этих портрета: мужика с топором и лицо узника, исполненное скорби и страсти, – замыкают главу в кольцо, и этот образ, вполне символический для русской романтической поэзии, окажется связан в других главах романа с такими темами, как монголо-татарское иго и русский бунт, русская покорность и русское своеволие. Разбойничья тема отзовется в I главе Второй книги, когда на той же дороге, близ Становой, отец рассказывает мальчику о легендарном разбойнике и душегубе Митьке, «прославившем» Становую:

Татары, Мамай, Митька... Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней... (с. 57).

И еще раз уже взрослый Арсеньев (XI глава Третьей книги) на той же дороге вспомнит и переживет заново предания, услышанные в детстве:

Помню, под Становой я на минуту приостановился. Наступала ночь, в поле стало еще угрюмей и печальней. Ни души, казалось, не было не только на этой глухой, всеми позабытой дороге, но и на сотни верст кругом. Дичь, ширь, пустыня... Ах, хорошо, подумал я, опуская повод. Кабардинка стала, глубоко повела боками и замерла. Я, с застывшими коленками, слез с нагретого, скользкого седла, зорко и сторожко оглядываясь, вспоминая старые разбойничьи предания Становой и втайне даже желая какой-нибудь страшной встречи, жуткой схватки с кем-нибудь, подтянул подпруги, подтянул ременный пояс на поддевке и поправил кинжал на нем... (с. 134).

И в Пятой книге проскальзывает прямое напоминание об этой теме: «В мечтах были Брянские, «Брынские» леса, «брынские» разбойники (с. 246). Отметим попутно, что в подтекст разбойничьей темы «Жизни Арсеньева», несомненно, входит рассказ И. С. Тургенева «Стучит» из «Записок охотника», где отсутствие трагической кульминации, которая кажется неминуемой, компенсируется лирическим содержанием, т. е. тем эмоциональным впечатлением, которое производит на путников встреча с «нехорошими людьми» на глухой дороге, в низине у моста. Мотив преследования, судьбы и дважды упомянутое в рассказе Тургенева имя Жуковского не могли ускользнуть от внимания Бунина, и этот тургеневский подтекст придает разбойничьей теме «Арсеньева» легкий балладный ореол⁶.

Таких малозаметных повторов в романе очень много, читатель не всегда их замечает, но они воздействуют на него эмоционально, тем более что они часто находятся рядом один с другим или в сильных позициях: в начале и конце глав или книг. Вся Четвертая книга, например, посвященная мечтам и планам Арсеньева на будущую жизнь, включающим намерение покинуть родной дом. В конце книги он это и осуществляет, а начинается книга словами его отца: «Разлетается, душа моя, наше гнездо» (с. 147). Далее следует пара очень коротких глав, затем – финал III главы:

И с бессмысленно-жуткой радостью голосили кругом соловьи, и с колдовской настойчивостью куковала вдали кукушка, тщетно весь свой век взыскующая какого-то заветного гнезда... (с. 150).

И, конечно, гнездо символизирует отчий дом, который Арсеньев пока не утратил, и предсказывает ему будущую потерю и родового гнезда, и самой родины.

Течение времени передается в романе через указания смены времен года; весны и грозы в «Жизни Арсеньева», как и в финале повести «Митина любовь», сопровождают тему любви и смерти. В финалах четырех из пяти книг мотивы весны сочетаются с темами смерти, разлуки и любви⁷. Вторая книга заканчивается «са-

⁶ Мотив неотвратимого преследования в рассказе И. С. Тургенева «Стучат» и имя Жуковского, названное в тексте, ассоциируются с балладой, но Тургенев цитирует не балладу, а элегию Жуковского «На смерть фельдмаршала графа Каменского» («Топор разбойника презренный»). Фельдмаршал Каменский, отринув военное поприще, поселился в своем имении, где был зарублен крепостными. В «Жизни Арсеньева» среди соседей Арсеньевых есть помещик Федор Михайлович Алферов, чье поместье напоминает о родовом поместье Достоевского Даровое, где, по преданиям, крестьянами был убит отец Достоевского. См. об этом: [Капинос, 2024, с. 103].

⁷ Весенняя тема «Жизни Арсеньева» шуточно переключается с игровой надписью, сделанной И. А. Буниным на подаренном А. Н. Бибинову томе своего «Полного собрания сочинений» 1915 г.: «Друг, прошлогодний календарь не годится для нового года: на каждую

мой необыкновенной» и самой бурной весной в «Жизни Арсеньева»: герой впервые влюбляется, и это совпадает со смертью Писарева «на первый день Пасхи». Третья книга заканчивается расставанием с Тонькой, которой любовь к Арсеньеву едва не стоила жизни, расставание сопровождается тютчевская весенняя гроза. Четвертая книга заканчивается встречей с Ликой и проводами траурного поезда на Орловском вокзале, это происходит в последние дни апреля 1891 г., а в начале Пятой книги мы узнаем, что тогда, по пути на Орловский вокзал, Арсеньев был застигнут первым весенним громом:

В день моего отъезда гремел первый гром. Помню этот гром, легкую коляску, уносившую меня на вокзал с Авиловой, – она почему-то поехала провожать меня, – чувство гордости от коляски и от этого соседства, странное чувство первой разлуки с той, в свою выдуманную любовь к которой я уже совсем верил, и то чувство, которое преобладало надо всеми прочими, – чувство какого-то особенно счастливого приобретения, будто бы сделанного мной в Орле (с. 195).

И наконец, в финале Пятой книги, пережив после расставания с Ликой тяжелую зиму в имении родителей, весной Арсеньев узнает о ее смерти. Повторы весенних финалов 2–4-й книг задают композиционный ритм, который воспринимается подобно ритму стихотворному, финалы книг рифмуются между собой.

В романе удваиваются эпизоды, которые вызывают особенно острые переживания Арсеньева. Например, в XII главе в уездном городе Арсеньев по поручению отца заходит к купцу Ивану Андреевичу Балавину. Увлекавшийся в молодости сочинительством, купец, сочувствуя молодому поэту, отговаривает его от литературного поприща. И, казалось бы, этот случайный, но сильно впечатливший героя разговор о надвигающемся разорении Арсеньевых, о тщетности литературных занятий не должен был иметь продолжения, но спустя всего лишь 5 небольших глав, в IV главе Четвертой книги Арсеньев вновь случайно встречается с Балавиным, и они опять говорят практически о том же, о чем говорили и в прошлый раз, как будто не договорив. Таким образом, тема разорения, сомнения в своем таланте и выборе поприща мучительно длится, не отступает, а в IV главе Пятой книги те же опасения по поводу бедности Арсеньева и те же сомнения в ценности сочинительства высказывает Арсеньеву отец Лики, отказываясь благословить брак дочери и поэта. Но и этот эпизод повторится 6 глав спустя. В X главе Пятой книги отец Лики вновь становится причиной размолвки Арсеньева с невестой: он привозит в Орел к Лике подходящего жениха – блестяще образованного и деловитого купца Богомолова⁸, наглядно демонстрируя Арсеньеву всё, о чем ранее он, предостерегая Арсеньева, рассуждал отвлеченно.

Весь роман «прошит» еще и траурной темой⁹: смерти родственников – бабушки, сестры, дяди Николая, Писаревых (старшего и младшего), великих князей (Николая Николаевича Старшего и Николая Николаевича Младшего), смерти соседей расплываются по роману, перекликаются друг с другом, умножаются. Эта большая тема окружена микромотивами, которые тоже повторяются. Например,

новую весну надо выбирать и новую любовь». Саади. Арсению – Иоанн, 31. VII. 1916. Глотова» [Летопись..., 2017, с. 775].

⁸ Даже фамилии двух купцов фонетически перекликаются: Балавин и Богомолов.

⁹ Подробно об инвариантах мотива смерти в «Жизни Арсеньева» см.: [Капинос, 2020, с. 399–401].

эпизод с траурным поездом, везущим в столицу гроб с телом великого князя Николая Николаевича Старшего, умножается прямыми или косвенными упоминаниями о других траурных процессиях. К рассказу о траурном поезде примыкает смерть Надсона, ставшая поводом для переживаний юного Арсеньева в VII главе Третьей книги:

Надсон был «безвременно погибший поэт», юноша с прекрасным и печальным взором, «угасший среди роз и кипарисов на берегах лазурного южного моря...» Когда я прочел зимой о его смерти и о том, что его металлический гроб, «утопавший в цветах», отправлен для торжественного погребения «в морозный и туманный Петербург», я вышел к обеду столь бледный и взволнованный, что даже отец стал тревожно поглядывать на меня и успокоился только тогда, когда я объяснил причину своего горя.

– Ах, только-то и всего? – удивленно спросил он, узнав, что причина эта заключается в смерти Надсона.

И сердито прибавил с облегчением:

– Какой вздор лезет тебе однако в голову! (с. 122).

Надсон умер в Ялте в январе 1887 г., и был перевезен в Петербург, где на вокзале, так же как и в одесском порту, гроб с телом поэта встречала толпа молодежи. Если размышлять о хронологических рамках юности Арсеньева, то в финале книги описываются события 1894 г., года смерти Александра III. В биографии Бунина тот же год стал годом расставания с Варварой Пашенко, прототипом Лики. Естественно, что Арсеньев в своих думах связывает ушедшую, «предгрозовую» эпоху Александра III с уходящей юностью и предчувствием трагических перемен и в истории, и личной судьбе:

...слушая в соборе из громовых уст златовласого и златоризного диакона поминовение «благочестивейшего, самодержавнейшего, великого Государя нашего Александра Александровича» – почти с ужасом прозревая вдруг, над каким действительно необъятным царством всяческих стран, племен, народов, над какими несметными богатствами земли и силами жизни, «мирного и благоденственного жития», высится русская корона.

К образу Александра III в романе Бунин возвращается не единожды:

Был молодой Вильгельм Второй, был какой-то генерал Буланже, был Александр Третий, грузный хозяин необъятной России... И была в эти легендарные времена, в этой навсегда погибшей России весна... (с. 149).

О смерти Александра III в «Жизни Арсеньева» не сообщается, она оставлена за границами повествования, но читатель не может не помнить, что государь умер в ноябре 1894 г. в Ливадийском дворце и что его тело на траурном поезде было доставлено в Петербург, но рассказ о его смерти замещается зауспокойным поминовением.

Для нашей темы очень важна история создания и история публикаций этого романа, поэтому вкратце опишем ее. В самой первой, газетной его редакции (газеты «Россия», 1927 г. и «Последние новости», 1928 г.) роман печатался под заголовком «Из романа “Жизнь Арсеньева”». Затем последовала журнальная редакция («Современные записки», 1928–1929) уже с заглавием «Жизнь Арсеньева». В 4-х номерах журнала были напечатаны 4 книги романа. В 1930 г. тем же издательством, «Современные записки», была издана отдельная книга, состоявшая

из тех же четырех частей, с заголовком «Жизнь Арсеньева. Истоки дней». Пятая часть создавалась позже, в 1933 г. в «Последних новостях» возобновилась публикация отрывков «Из жизни Арсеньева» (это были уже главы Пятой книги), «Последние новости» печатали фрагменты Пятой книги до 1939 г., несколько глав появилось также в журнале «Иллюстрированная Россия» в январе 1937 г. Одновременно Пятая книга была опубликована в 1933 г. в двух номерах «Современных записок» (№ 52, 53). В качестве завершения этой длинной истории «Петрополис» выпустил Пятую книгу в качестве самостоятельного произведения под заглавием «Лика» («Петрополис», 1939), эта книга должна была стать последним томом собрания сочинений Бунина, начатого в 1934 г. На обложке «Петрополиса» стояло заглавие «Лика», а на его титуле «Лика» – название второй части романа «Жизнь Арсеньева» (см. рисунок). Наконец, в нью-йоркском издании 1952 г. «Лика» была окончательно введена в «Жизнь Арсеньева» в качестве Пятой книги, и это издание послужило основой для публикации романа в 6-м томе русского 9-томника Бунина (1966) ¹⁰.

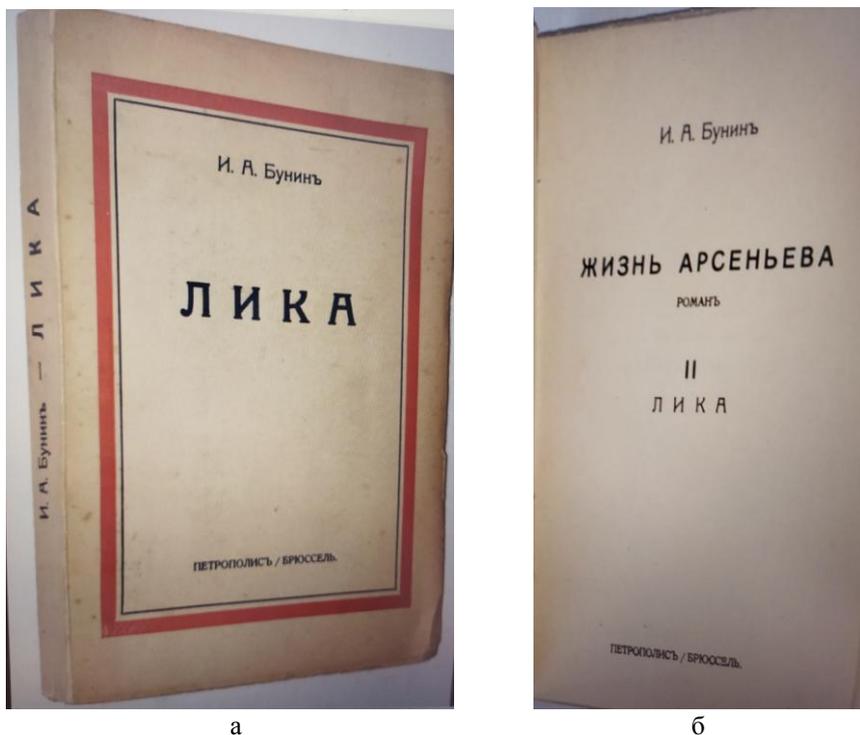
История публикации «Жизни Арсеньева» очень похожа на то, как Пушкин печатал своего «Евгения Онегина»: сначала по главам и отдельными фрагментами с 1825 по 1832 г., затем, в 1833 г., спустя год после первой публикации (в которой он уже предположил, что это «большое стихотворение», которое «вероятно, никогда не будет окончено») ¹¹, Пушкин напечатал его наконец как книгу, в законченном виде, имевшим вид незаконченности ¹² (последнее прижизненное издание «Евгения Онегина» вышло еще 4 года спустя, в январе 1837 г.). А еще позже Пушкин шутливо обсуждал, в стихах, возможность его продолжения. Следует отметить, что и «Жизнь Арсеньева», судя по некоторым черновикам, могла, как считают бунинисты, получить продолжение, которое превратило бы текст в многотомное автобиографическое сочинение наподобие трилогии Толстого ¹³, но о такой возможности свидетельствуют лишь наброски в бунинских черновиках ¹⁴.

¹⁰ О публикации «Жизни Арсеньева» см.: (Бунин, 1966, т. 6, с. 324–325).

¹¹ О поглавной и книжных редакциях «Евгения Онегина» см.: (Пушкин, 1957, с. 582–583).

¹² Как «тождество завершено и незавершено» рассматривал текст Ю. Н. Чумаков, писавший с отсылкой к Ю. М. Лотману: «“Пропуски” фабульных ситуаций, строф и глав, “подчеркнутое отсутствие в ‘Онегине’ ‘начала’ и ‘конца’ в литературном смысле этих понятий” придают роману, с одной стороны, черты открытости и незавершенной перспективы во времени, а с другой – что еще важнее – погружает роман и его смыслы в глубины метатекста, соединяя с безмерностью и невысказываемостью универсума» [Чумаков, 2008, с. 135–136]. В композиционном аспекте та же мысль развертывается у Ю. Н. Чумакова так: «Роман в стихах – оксюморон, пронизывающий сюжетно-композиционную структуру ЕО и претендующий в своем символическом значении на проекцию или отображение принципа мироустройства. Все перечисленное входит в способы художественного компромисса между текучей, открытой, непрерывной и непредсказуемой средой авторской речевой деятельности и необходимыми средствами композиционной регламентации» [Там же, с. 32].

¹³ «В. Н. Бунин сообщает в дневнике об одном из разговоров на эту тему (13 февраля 1929 года): “Потом Яна спрашивала о ‘Жизни Арсеньева’. Он рассказал о дальнейшем содержании, все пришли в восторг. Мы попросили его и нам сообщить, он кратко сказал: ‘Вот молодой человек ездит, все видит, переживает войну, революцию, а затем и больше-

Обложка (а) и титульный лист (б) книги И. Бунина «Лика»
(Брюссель, Петрополис, 1939)
The cover (a) and title page (b) of I. Bunin's book "Lika"
(Brussels, Petropolis, 1939)

визм и приходит к тому, что жизнь выше всего и тянется к небу”», – цитирует В. Н. Бунину Е. Р. Пономарев в предисловии к наброскам романа [Пономарев, 2019, с. 170].

¹⁴ См. об этом: (Бунин, 2019). В предисловии к «Наброскам, тематически близким роману “Жизнь Арсеньева”» Е. Р. Пономарев пишет, возвращаясь к истории публикации романа: «Основной текст пятой книги был в целом готов к 1933 г. Опубликовав в январе 1933 г. отрывок из нее в газете “Последние новости”, Бунин отдает книгу целиком для публикации в журнале “Современные записки”. В конце 1933 г. – двумя частями (в номерах 52 и 53) – пятая книга “Жизни Арсеньева” печатается в журнале. Это был обычный путь для всех книг романа: сначала газетная публикация, затем журнальная редакция и, наконец, отдельная книга (“Жизнь Арсеньева”, книги 1–4, выпущенные издательством “Современные записки” в 1930 г.). Пятая часть не была выпущена в книжном формате, поскольку ожидалось продолжение романа. Надо думать, что Бунин в конце 1933 г. полагал, что за пятой книгой последует шестая, а второй том “Жизни Арсеньева” только начат. Однако изменившиеся обстоятельства <...> не позволили быстро продолжить работу. Переломным моментом можно считать принятое в 1938 г. решение подготовить отдельное издание пятой книги под заглавием “Жизнь Арсеньева. II. Лика”. Сам факт отдельного издания пятой книги (с заглавием, сохраняющим общий титул “Жизни Арсеньева” и номер тома) говорит о том, что от мысли о шестой автор, вероятно, отказался» [Пономарев, 2019, с. 170].

Оба романа демонстрируют свою завершенность и одновременно незавершенность, а также ту вариативность, которую являют их публикации. Причем, как и у Пушкина, это не одна, а несколько печатных редакций, каждая из которых вполне хороша и закономерна. Печатание по главам и книгам требует, как нами уже было сказано, большей законченности каждого отдельного фрагмента, но включение Пятой книги меняло общую композицию произведения. Так же обстояло дело и с пушкинским романом¹⁵. Роман Бунина, как это знает каждый, кто читал его внимательно, полон лакун, пропусков, внезапных обрывов повествования – так же, как в любом художественном тексте, но так же, как и в «Евгении Онегине», сама стихотворная природа которого позволяет и даже требует пробелов, пустот, недоговоренностей, отрывочности, лирических отступлений. Не случайно это всё было специально отмечено автором. «“Пропущенной” могла быть и глава, – пишет Ю. Н. Чумаков о композиции пушкинского текста. В целом “пропуски текста” создают впечатление легкого и непринужденного развертывания, оставляя “воздух” между его свободно лежащими частями. Можно сказать, что ЕО написан всеми возможными способами: стихами, прозой и значимой “пустотой”» [Чумаков, 2008, с. 31]. У Бунина в Первой книге романа пропуски и повторы могут быть мотивированы неясностью и прерывистостью детских воспоминаний, но в последующих книгах способ подачи воспоминаний, как личных, так и исторических, остается тем же. Общий фон намечается отдельными деталями и микродетальями: беглыми упоминаниями исторических лиц, портретами отдельных персонажей, лирическими отступлениями автора, пишущего этот роман и пережившего множество катастроф, как личных, так и исторических.

Не приходится сомневаться в том, что Бунину была хорошо знакома поэтика «Евгения Онегина». В юности, в феврале-марте 1887 г., он «под влиянием “Онегина”» сочинил поэму «Петр Рогачев» [Двинятина, 2023, с. 12], размышления об «Онегине» не оставляли Бунина и позже. В эмигрантском дневнике писателя сохранилась запись о том, что пушкинский прием завершенности в виде неоконченности осмыслялся Буниным при работе над «Арсеньевым»: «Перед отъездом из Грасса в Париж в мае 1940 года Бунин подводит итог своей работе над “Жизнью Арсеньева”»: книга доведена им только до юности героя, а Бунин мучается тем, как можно и нужно ли вообще вести повествование дальше <...> 7 сентября <...> Бунин записывает в дневнике: “Нынче ночью проснулся я с мыслью, которая со сна показалась ужасной: Жизнь Арс<еньева> может остаться не конечной!” Но тут же с облегчением подумал, что не только “Евг<ений> Онегин”, но не мало и других вещей Пушк<ина> не кончены, и заснул» [Двинятина, 2023, с. 23–24].

«Жизнь Арсеньева» напоминает пушкинский роман и тематически, в том числе усадебно-городским локусом. У Бунина, как и у Пушкина, соседствующие усадьбы героев – это и усадьбы автора, о них рассказывающего (Михайловское, Тригорское и т. п.), затем география романа приобретает другой масштаб, и это одновременно и сюжетное, и авторское, лирическое пространство, которое включает в себя пространство истории и литературы, запечатленное не только в исторических отсылках и отступлениях, но и в топонимике и ономастике романа.

¹⁵ Мы оставим в стороне то, что в романе Бунина много пушкинских цитат, см. об этом: [Атаманова, 1995].

К «Онегину» восходит и любовный сюжет встреч и разминовений. Онегин и Татьяна разлучены сначала отказом Онегина, потом замужеством Татьяны; герои как бы не совпадают по фазе переживания любви, они расстаются и встречаются вновь, а ключевые эпизоды (письма, свидания, сны) удваиваются и «зеркалят». Временная пауза и полная смена экспозиции отделяет восьмую главу пушкинского романа от предыдущих семи¹⁶. Меняются и герои: из уездной барышни Татьяна превращается в законодательницу столичной светской жизни, а Онегин из разочарованного повесы – в пылкого влюбленного. Асимметрия сюжетной композиции «Онегина» (7 + 1) не раз интерпретировалась исследователями. Самым удивительным истолкованием, по мнению Ю. Н. Чумакова, стала интерпретация К. Эмерсон, которая назвала восьмую главу и последнее свидание героев «сном Онегина». Не вполне соглашаясь с этой интерпретацией, Ю. Н. Чумаков, тем не менее, заметил, что «гипотеза Эмерсон обогащает смысловой спектр романа, играя на вероятностно-множественных чертах его “пульсирующего” текста» [Чумаков, 2008, с. 75]. Он также заметил, что простота онегинской фабулы может быть сведена к двум (в деревенском саду и в петербургском доме княгини N) или четырем свиданиям героев (если учитывать сон Татьяны и ее посещение усадьбы Онегина), но сложная сюжетная полифония, неопределенность и эскизность текста запутывают читателя, придавая простому сюжету безграничный объем: «В сюжете героев плохо различаются значимые элементы: и побочные, и вспомогательные, к концу романа возникает представление о развитии предшествующих событий, которых не было» [Там же, с. 35].

Выражение «вероятностно-множественные черты текста», характеризующая лирическую природу пушкинского текста, легко может быть распространено на «Жизнь Арсеньева», где «вероятностная множественность» тоже определяет картины и образы, данные в наборе мотивных повторов. Подходит под эту модель и сам тип автобиографического повествования с его расплывчатой оптикой, временной и пространственной запутанностью и лакунами снов, памяти и поэзии. Повествовательный пунктир, лакуны можно наблюдать даже в приверженности Бунина к слову «случалось», «случилось»: иногда оно много раз подряд оказывается в сильной позиции, как бы обнуляя и обновляя фабулу романа (например, в начале XII и XIV глав Пятой книги: «Случалось, я шел на вокзал...» (с. 234), «И вот однажды случилось так...» (с. 240)).

Как Восьмая глава «Онегина» отстоит от семи предыдущих, так и Пятая книга «Арсеньева» отделена от предыдущих четырех, в ней полностью меняется экспозиция: действие из усадьбы (вернее, усадеб, соседствующих с Батурино) переносится в город (точнее, в города: в неназванный уездный, в губернский Орел, в неназванный южный), где героя окружают новые персонажи, меняется тип сюжета и даже жанр: это уже не только роман взросления и писательского становления,

¹⁶ В «Жизни Арсеньева» есть одна отсылка к «Евгению Онегину» (в контаминации с цитатой из «Думы» Лермонтова), Бунин обращается как раз к I строфе Главы 8 («В те дни, когда в садах Лицея»), т. е. как раз к той части пушкинского текста, по которой проходит раздел между семью главами и восьмой: «Ни лицейских садов, ни царско-сельских озер и лебедей, ничего этого мне, потому что “промотавшихся отцов”, в удел уже не досталось» (с. 93).

но и любовный роман. Но композиционно разделенный текст (4 + 1) не распадается. Почему?

Во-первых, потому, что уход из дома совершается не одновременно: в конце четвертой книги Арсеньев получает приглашение работать в Орловском «Голосе». Он уезжает домой с намерением вскоре вернуться, но задерживается и сначала наезжает из усадьбы в уездный город, потом переселяется туда ради свиданий с Ликой, и только к зиме, после отказа ее отца благословить их брак, пожив еще немного в Батурино, он вместе с Ликой уезжает в Орел. Впервые же мечта уехать из родного дома возникает у него задолго до ее реализации, в XI главе Третьей книги: «В этот вечер я впервые замыслил рано или поздно, но непременно покинуть Батурино» (с. 137). Этот мотив проходит через три из пяти книг, но родная усадьба и в последней части романа служит фоном повествования и прибежищем героя. Сюда он привозит Лику и знакомит ее со своей семьей (начало XVIII главы Пятой книги), сюда возвращается после бегства Лики, здесь узнает о ее гибели. Архетипическая тема ухода из дома и возвращения, связывая повествование, еще раз отметим, длится и повторяется.

Во-вторых, сам любовный сюжет является органической частью «романа взросления» («воспитания чувств»), поэтому сам герой, его сознание объединяет разные части повествования, поскольку это «я-повествование», и уже это является самым очевидным обоснованием его связности. Характерным приемом поэтики Бунина является отмеченное Ю. Мальцевым соскальзывание повествования от перволичных к третьеличным формам и наоборот¹⁷. Один из ярких тому примеров – финал романа:

У меня сохранилась до сих пор та тетрадь в коричневом сафьяне, что она купила мне в подарок из своего первого месячного жалования: в день, может быть, самый трогательный за всю ее жизнь... (с. 288).

Несмотря на модальное «может быть», эта фраза демонстрирует выход сознания героя за пределы я-нарратива в силу любви, печали, причастности к душе возлюбленной, а заодно и писательского умения проникать в чужие миры. Рассказчик может говорить за нее и ведать, что это был именно самый трогательный момент ее жизни¹⁸.

¹⁷ В монографии о Буине Ю. Мальцев приводит несколько примеров замены 3-го лица 1-м и наоборот, иногда это происходит в пределах одного текста, как в рассказе «Таня» из «Тёмных аллей», иногда лицо меняется при работе над текстом от одного варианта к другому: «В этом смысле очень любопытные наблюдения можно сделать, сравнивая черновики некоторых бунинских рассказов с окончательным текстом. Например, рассказ «В некотором царстве» (в черновике озаглавлен «Племянница») в первом варианте начинался с повествования в третьем лице, но очень скоро «он» превращался в «я» <...>. Но это «я» здесь звучало фальшиво, и Бунин заменяет фальшивое «я» (и шаткое «он») откровенно условным «Ивлев» [Мальцев, 1994, с. 280].

¹⁸ Ю. Мальцев заостряет внимание не только на примерах, когда взаимозаменяемы оказываются 3-е и 1-е лицо, но и на тех моментах, когда автор как будто проникает в сознание героини, присваивает его: «Описывая сцену, которую сам Арсеньев видеть не мог, Бунин тем не менее дает ее в конкретных штрихах, сопровождая описание словами «должно быть», «верно» и т. п. «Она, верно, долго полулежала на тахте в нашей спальне, поджав под себя, по своей привычке, ноги, много курила <...>, все смотрела, должно быть,

В-третьих, объединяют текст романа имена главных героев, фонетически сходные: «Лика» анаграммирует «Алексея», и ее имя как бы уже звучит в имени Алексея еще до ее появления в сюжете. «Арсеньев» стоит в начале текста, в его оглавлении, «Лика» – в его конце, а поначалу даже в заглавии Пятой книги. Это имя отличается от имен всех других героинь романа, каждое из которых что-то рассказывает о его обладательнице: немецкое Анхен – уменьшительное имя госты из Ревеля, простонародное Тонька и ее прозвище «Галка», Авилова с ее чеховской фамилией, Лиза Бибикина и Сашенька с аристократической фамилией Оболенская. У Лики нет фамилии, ее полное имя Гликерия звучит всего лишь раз – так называет ее отец, отказывая Арсеньеву, отчуждая от него Лику.

В последней книге романа Арсеньев увлеченно рассказывает своей возлюбленной о многочисленных случайных предметах его внимания, игнорируя то, что это может причинить ей боль. Причина его безжалостной неосмотрительности – его влюбленность в жизнь и женскую красоту. Он рассказывает ей о чем-то очень важном в самом себе, чувствуя при этом свои мимолетные влюбленности не изменами, а чем-то, что необходимо запечатлеть словесно, ему хочется, чтобы и она это увидела, тем более что и его любовь к ней присутствует в этих случайных влюбленностях и что все его прежние и нынешние увлечения как-то «предсказывали» и «предсказывают» эту любовь.

Опосредованно связана с Ликой Тонька. Любовная история Тоньки и Арсеньева, барина и крестьянки, не точно, но в общих чертах повторяет сюжет рассказа «Грамматика любви», где героиню зовут Лушкой, чье не названное в рассказе полное имя, вероятнее всего, Лукерья, созвучно Гликерии, и на это фонетическое сходство уже обращали внимание буниноведы¹⁹. Роман и рассказ схожи мотивами: нетленная фантастическая любовь в угасающем, заброшенном поместье, любовь, сопровождающаяся стихами и литературными отсылками, любовь как поэзия, любовь аристократа и пастушки²⁰ – всё это темы и рассказа «Грамматика любви», и романа. А поскольку Писарев – сосед Хвоцинского в «Грамматике любви», то, возможно, они соседствуют и в «Жизни Арсеньева». Все эти аналогии с «Грамматикой любви» вызываются созвучием имен, и если в эпосе имя больше нагружено семантически, то в лирике важнее фонетика. Как известно, имя в лирике – самостоятельный и сильный поэтический мотив, который может выступать в качестве фонетической связки, скрепляющей собой весь текст, или даже объединять несколько текстов в цикл, окрашивать собою всё лирическое произведение²¹.

перед собой, потом вдруг встала, без помарок написала мне на клочке несколько строк...» [Мальцев, 1994, с. 310].

¹⁹ См.: [Пожиганова, 2005].

²⁰ О разном социальном статусе героя и героини в «Грамматике любви» и инвариантах этого сюжета у Бунина подробно см.: [Анисимов, 2015, с. 162–163].

²¹ Механизм функционирования имени собственного в поэтическом тексте показывает Ю. Н. Тынянов, приводя длинные перечни имен во французской и русской поэзии и приходя к выводу, что имя привносит в стих «лексическую окраску», «лексическую тональность», особую стройность. Скопление имен в стихе вплотную подводит к «зауми» – звучанию, отвлеченному от смысла, намеренно исключая значение. Окраска, тональность, ореол, т. е. явления периферийные, преобладают в поэтическом слове над его центральной, ядерной семантикой. «Эта лексическая окраска, – пишет Ю. Н. Тынянов, –

Фонетически с Ликой связано и имя Лизы Бибиковой, а ее фамилия обращает читателя к биографии Бунина и прототипу Лики – Варваре Пашенко. Актер и писатель Арсений Николаевич Бибиков (1873–1927) был другом Бунина с гимназических лет, и в 1890 г., приехав с Варварой Пашенко домой, в Озерки, послужившие прототипом Батурина (имения Арсеньева), Бунин навестил гимназического друга и познакомил его с невестой, которая через 5 лет, в 1895 г., спустя год после расставания с Буниным, стала женой Бибикова и взяла его фамилию. Так что в биографической проекции Лиза Бибикова в каком-то смысле тоже двойник Лики или даже сама Лика, т. е. образ с тем же прототипом, но запечатленный в другом времени и в других обстоятельствах. А имя друга Бунина, Арсений (Арсик, как его ласково называют Бунины) [Летопись..., 2017, с. 260, 930], возможно, добавляет что-то к поэтической этимологии фамилии главного героя, взятой из родословия Лермонтова. Герой романа Бунина, будучи автоперсонажем, альтер эго Бунина, как уже неоднократно отмечалось, собирает черты многих поэтов и писателей, предшественников и современников Бунина, знаменитых и безвестных, в том числе и Арсения Бибикова, назвавшего Бунина в посвящении одного из своих стихотворений «братом по духу и учителем» [Там же, с. 129].

Очевидны и более мелкие мотивные повторы, указывающие на сходство второстепенных женских персонажей романа с главной героиней. Так, например, описывая дом в Малороссии, где поселились Лика и Алексей, Бунин в соседних фразах изображает татарские туфельки с каблукками Лики и башмачки с подковками казачки горничной, которая служит в их доме, туфельки Лики буквально превращаются в башмачки казачки:

...она плескалась, стоя в маленьких татарских туфлях, с зябко напрягшейся грудью, свежо пахло водой и туалетным мылом; она, стыдясь, повертывалась ко мне мокрым лицом, с намыленной сзади под волосами шеей, и топала каблукком: «Уходи вон!» Потом из той комнаты, где окна выходили на галерею, пахло заваренным чаем, – там ходила, стучала подкованными башмачками казачка: она обувалась на босу ногу, ее голые щиколотки, тонкие, как у породистой кобылки, восточно блестели из-под юбки... (с. 257).

В другом случае Арсеньев, делясь с Ликой своими мечтами, вообще не может разделить в своем воображении Лику и казачку:

– О чем я мечтаю? Быть каким-нибудь древним крымским ханом, жить с тобой в Бахчисарайском дворце <...>
– И что ж? Во дворце гарем? <...> Ты что-то в этом роде недавно говорил даже про нашу казачку.
– Я говорил только то, что, когда я смотрю на нее, я ужасно хочу куда-то в солончаковые степи, жить в кибитке.
– Ну вот, сам же говоришь, что тебе хочется жить с ней в кибитке...
– Я не сказал, что с ней... (с. 262)

А спустя три главы повествование вновь возвращается к казачке, когда Лика сообщает Арсеньеву, что рассчитала ее:

очень важный фактор в развертывании лирического сюжета; тон, даваемый каким-либо сильным в этом отношении словом, предопределяет иногда не только лексический строй всей пьесы, но и направление ее сюжета» [1993, с. 92].

...она, в полную противоположность своему доброму, благородному, еще девичьему характеру, вдруг поступила как самая обыкновенная «хозяйка дома» – нашла какой-то предлог и имела резкую твердость рассчитать казачку, служившую нам.

– Я хорошо знаю, – неприятно сказала она мне, – что тебя это огорчило: еще бы, так отлично постукивает башмачками по комнатам эта, как ты говоришь, «кобылка», такие у нее точеные щиколотки, такие раскосые сверкающие глаза... (с. 275).

Казачка уволена, а эта тема продолжается буквально на той же странице, в следующей главе, где описывается, как, идя по городу, Алексей замечает красивую хохлушку и любит ее:

На площади, у городского колодца, богиней стояла рослая хохлушка в подкованных башмаках на босу ногу (с. 275).

Татарские туфли Лики, башмачки с подковками казачки, и эти подкованные башмаки хохлушки, надетые на босу ногу, Бахчисарайский дворец, гарем, кибитка в солончаковой степи – всё это инварианты одного мотива: красоты мира, молодости и любви. И, повторяя, умножая их, прозаический текст начинает звучать как лирический.

Пятая книга, сохраняя свою особенность, став частью романа, оказывается продолжением романа взросления и становления художника. В этом сюжете одновременно и два героя – Лика и Алексей, и один, поскольку изображенный мир, вместе с Ликой и его любовью – это мир сознания и воображения писателя. Лирические композиционные структуры Ю. Н. Чумаков сравнил с лентой Мёбиуса [Чумаков, 2008, с. 324]. Например, в «Онегине» сильный и яркий сюжет героев вмещен в поэтический мир автора, обширный и разнообразный. В одних проекциях мы видим сюжет героев, в других тот же самый сюжет прочитываем как авторский, лирический, но при этом лирический сюжет доминирует. Разделенный композиционно на 4 + 1, роман Бунина представляет собой такую художественную конструкцию, которая делает текст книгой-мозаикой, где каждая часть, каждый фрагмент и автономен, и связан с другими: по аналогии, сходству, повторяемости – как и положено в лирическом тексте, даже когда он написан не стихами, а прозой. И очень многие тексты Бунина написаны именно так.

Список литературы

Анисимов К. В. «Грамматика любви» И. А. Бунина: текст, контекст, смысл. Красноярск, 2015. 234 с.

Атаманова Е. Т. Пушкинские и гоголевские реминисценции в романе «Жизнь Арсеньева» // Сборник докладов, прочитанных на Международной научной конференции в Елецком педагогическом институте, 7–12 сентября 1995 г. Елец, 1995. С. 100–107.

Движатица Т. М. Пушкин на страницах дневников и записных книжек Бунина // Временник Пушкинской комиссии. Специальный выпуск в честь Татьяны Ивановны Краснобородько. СПб.: Росток, 2023. С. 7–33.

Капинос Е. В. Тематическая композиция эмигрантского автобиографического романа: от «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина к «Дару» Набокова // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 393–406. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-393-406

И. А. Бунин: сюжет, мотив, интертекст

Капинос Е. В. «Перегородок тонкоробость» – пространственная модель «Жизни Арсеньева» // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 311–339. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-311-339

Капинос Е. В. Лирическая поэтика романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 99–111. DOI 10.17223/18137083/89/8

Летопись жизни и творчества И. А. Бунина / Сост. С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2: 1910–1919. 1184 с.

Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; Москва: Посев, 1994. 234 с.

Пономарев Е. Р. Предисловие к «Наброскам, тематически близким роману «Жизнь Арсеньева»» // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 169–173.

Пожиганова Л. П. Путешествие с Дон-Кихотом: поэтика игры в рассказе «Грамматика любви» // Пожиганова Л. П. Мир художника в прозе Ивана Бунина 1910-х годов. Белгород, 2005. С. 129–148.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М.: Высш. шк., 1993. С. 23–157.

Чумаков Ю. Н. Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассматриваний. М.: ЯСК, 2008. 411 с.

Список источников

Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Книга вторая // Современные записки (Париж). 1928. № 35. С. 5–72.

Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. 544 с.; Т. 6. 340 с.

Бунин И. А. Наброски, тематически близкие роману «Жизнь Арсеньева» // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 173–263.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. / Сост. и автор примечаний Б. В. Томашевский. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 5. 640 с.

References

Anisimov K. V. “Grammatika lyubvi” I. A. Bunina: tekst, kontekst, smysl [“The Grammar of Love” by I. A. Bun: Text, context, meaning]. Krasnoyarsk, 2015, 234 p. (in Russ.)

Atamanova E. T. Pushkinskie i gogolevskie reministsentsii v romane “Zhizn’ Arsenieva” [Pushkin and Gogol reminiscences in the novel “The Life of Arseniev”]. In: Sbornik dokladov, pročitannykh na mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v Eletskom pedagogicheskom institute, 7–12 sentyabrya 1995 g. [Collection of papers read at the international scientific conference at the Elets Pedagogical Institute, September 7–12, 1995]. Elets, 1995, pp. 100–107. (in Russ.)

Chumakov Yu. N. Pushkin. Tyutchev. Opyt immanentnykh rassmotrenii [Pushkin. Tyutchev. Experience of immanent considerations]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2008, 411 p. (in Russ.)

Dvinyatina T. M. Pushkin na stranitsakh dnevnikov i zapisnykh knizhek Bunina [Pushkin on the Pages of Bunin's Diaries and Notebooks]. In: Vremennik Pushkinskoi komissii. Spetsial'nyi vypusk v chest' Tatiyany Itivanovny Krasnoborodko [Vremennik of the Pushkin Commission. Special issue in honor of Tatyana Ivanovna Krasnoborodko]. St. Petersburg: Rostock, 2023, pp. 7–33. (in Russ.)

Kapinos E. V. The Thematic Composition of an Emigrant Autobiographical Novel: From “The Life of Arseniev” by I. Bunin to “The Gift” by V. Nabokov. Part 1. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2020, no. 2, pp. 393–406. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-393-406

Kapinos E. V. “Fine Ribbing of Partition Walls”: The Spatial Model of “The Life of Arseniev”. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2022, no. 2, pp. 311–339. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-311-339

Kapinos E. V. Lyrical poetics of the novel “The Life of Arseniev” by Ivan Bunin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 99–111. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/8

Maltsev Yu. Ivan Bunin. 1870–1953. Frankfurt am Main, Moscow, Posev, 1994, 234 p. (in Russ.)

Morozov S. N. (comp.). Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina [Chronicle of the life and work of I. A. Bunin]. Moscow, IWL RAS, 2017, vol. 2: 1910–1919, 1184 p. (in Russ.)

Ponomarev E. R. Predislovie k “Nabroskam, tematicheski blizkim romanu ‘Zhizn' Arsenieva’” [Preface to the “Sketches, thematically close to the novel ‘The Life of Arseniev’”]. In: Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. Moscow, IWL RAS, 2019, vol. 110: I. A. Bunin. New materials and research. Book 1, pp. 169–173. (in Russ.)

Pozhiganova L. P. Puteshestvie s Don-Kikhotom: poetika igry v rasskaze “Grammatika lyubvi” [Traveling with Don Quixote: the poetics of play in the story “Grammar of Love”]. In: Pozhiganova L. P. Mir khudozhnika v proze Ivana Bunina 1910-kh godov [The artist's world in Ivan Bunin's prose of the 1910s]. Belgorod, 2005, pp. 129–148. (in Russ.)

Tynyanov Yu. N. Problema stikhotvornogo yazyka [The Problem of Poetic Language]. In: Tynyanov Yu. N. Literaturnyi fakt [Literary Fact]. Moscow, Higher School Publ., 1993, pp. 23–157. (in Russ.)

List of Sources

Bunin I. A. Zhizn' Arsenieva. Kniga vtoraya [The Life of Arseniev. Book Two]. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes] (Paris), 1928, no. 35, pp. 5–72. (in Russ.)

Bunin I. A. Collected Works. In 9 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966, vol. 5, 544 p.; vol. 6, 340 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Nabroski, tematicheski blizkie romanu “Zhizn' Arsenieva” [Sketches thematically close to the novel “The Life of Arseniev”]. In: Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, vol. 110: I. A. Bunin. New materials and research. Book 1, pp. 173–263. (in Russ.)

Pushkin A. S. Complete Works. In 10 vols. Comp. and notes by B. V. Tomashevsky. Moscow, AS USSR Publ., 1957, vol. 5, 640 p. (in Russ.)

И. А. Бунин: сюжет, мотив, интертекст

Информация об авторе

Елена Владимировна Капинос, доктор филологических наук

Information about Author

Elena V. Kapinos, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 11.12.2024;
одобрена после рецензирования 17.12.2024; принята к публикации 17.12.2024
The article was submitted on 11.12.2024;
approved after reviewing on 17.12.2024; accepted for publication on 17.12.2024*

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 4

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 4